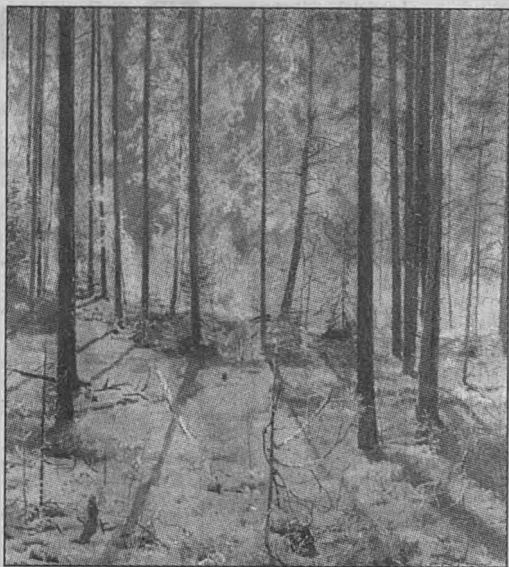

Легкая кисть Дмитрия Белюкина

Нечасто бывает, что у одного художника проходят одновременно две выставки. И тем не менее факт: до конца января в Музее А. С. Пушкина и в Новом Манеже работают параллельно экспозиции работ заслуженного художника РФ Дмитрия Белюкина. В первом - акварельная сюита (около 100 листов) к «Евгению Онегину», выполненная вместе с отцом — художником А. И. Белюкиным. Во втором - окончание «онегинской» серии плюс живопись и графика разных лет, в основном совсем свежая - 2002 - 2003 годов, в том числе опять же «пушкинская».

Поневоле начинаешь думать, что какое-то благословение, идущее от светлого пушкинского имени, от самого прикосновения к нему, лежит на творчестве молодого художника. Отсюда, наверное, легкость его манеры - это определение то и дело слышишь, обходя выставку. В живописи Д. Белюкина нет ничего от плотности, увесистости масляного письма, она напоминает скорее пастель - нет жирного блеска масла и лака, не видно мазков, все прозрачно, воздушно - свет, воздух, игра теней.

Обычно, когда хотят уязвить живописца, говорят, что его картины похожи на цветные фотографии. Я тоже сравню полотна Д. Белюкина с фотографиями, но совсем в другом смысле. Все, что работал с камерой, знают некий странный эффект: то, что получается на снимке, часто совсем не похоже на реальный вид: светотеневые акценты поставлены по-другому, композиция собрана воедино, сфокусирована в какую-то новую реальность. У Белюкина глаз, по-видимому, работает, как фотообъектив: он запечатлевает видимое сразу как

некое единство, уже полностью скомпонованное, ему не надо даже делать предварительных набросков, остается только зафиксировать композицию на полотне. Оттого-то так красивы и значимы его пейзажи - Русский Север, Михайловское, Синай и Афон. Даже Петербург у него особенный - промытый светом, лишенный обычной хмурости. Много жемчужно-серых, голу-

бых, золотистых тонов, в которые врезаны яркие пятна красных, оливоковых, синих, фиолетовых нарядов петербургских франтов и модниц, любующихся ледоходом, перспективами, друг другом. Полна осенней свежести панорама, изображающая утреннюю прогулку по Неве Екаторины II: белые паруса и чайки, просторная синь Невы, громады дворцов на горизонте. И золото листвы в Летнем саду на другом полотне, также изображающем какую-то галантную прогулку на гондоле, - чистая Венеция, только Северная. А в роскошь заснеженного псковского леса так органично вписана маленькая, видная откуда-то с небес, фигурка поэта, держащего под уздцы рыжую лошадь...

Большинство вещей, включенных в экспозицию, - новые, написанные в последние два года. Художник не теряет времени, пишет много, обильно: чувствуется, что труд для него - наслаждение. Чего же боле?

В окружении ликующих, радостных пейзажей русской земли неожиданно по-новому смотрится старое монументальное полотно «Белая Россия. Исход» (1994). Вот эту невероятную красоту Родины теряют замученные люди, сгрудившиеся на палубе уходящего в неведомое парохода. И в горьком эмигрантском мороке будут сниться им заснеженный русский лес, буйная весна, золото русской осени...

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимке: «Батюшка-бор на Валдае» (1997).